

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.092-102

В. Ю. Стельмах*

Пробелы нормативной регламентации реабилитации в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В статье констатируется, что нормы гражданского и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие реабилитацию, не имеют строгого разделения на общие и специальные и должны применяться одновременно и комплексно. Несмотря на то что в гражданском законодательстве в качестве оснований возникновения права на реабилитацию указано применение только двух мер пресечения: заключения под стражу и подписки о невыезде, данное право возникает в случае незаконного избрания всех предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер пресечения. Такое основание реабилитации, как применение мер принуждения, распространяется и на лиц, непосредственно в отношении которых производились следственные действия, ограничивающие личные права. В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации целесообразно закрепить такое обстоятельство, исключающее реабилитацию, как самооговор обвиняемого (подозреваемого). Частичное прекращение уголовного преследования влечет возникновение права на реабилитацию только в том случае, если оно касается отдельного эпизода преступной деятельности, первоначально инкриминировавшегося лицу. Уменьшение объема обвинения в рамках одного факта может влечь возникновение права на реабилитацию только при условии, что первоначальное обвинение в силу своей тяжести повлекло наступление таких юридических последствий, которые в принципе не могли наступить при предъявлении обвинения в уменьшенном объеме.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; уголовное преследование; реабилитация; прекращение уголовного дела; частичное прекращение уголовного преследования; реабилитирующие основания прекращения уголовного дела; меры пресечения; меры принуждения; следственные действия; самооговор.

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Пробелы нормативной регламентации реабилитации в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 92–102. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.092-102.

© Стельмах В. Ю., 2025

* Стельмах Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации
Корепина ул., д. 66, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620057
vstelmah@mail.ru

Gaps in the Regulatory Framework for Rehabilitation in Criminal Proceedings

Vladimir Yu. Stelmakh, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminal Procedure, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russian Federation
vstelmah@mail.ru

Abstract. The paper states that civil and criminal procedural legislation regulating rehabilitation does not have a strict division into general and special norms and should be applied simultaneously and comprehensively. Despite the fact that civil legislation specifies the application of only two preventive measures as grounds for the emergence of the right to rehabilitation — detention and travel restriction order. This right arises in the event of the illegal selection of all preventive measures provided for by the criminal procedure law. Such a basis for rehabilitation as the use of coercive measures also applies to persons directly in relation to whom investigative actions were carried out that restricted personal rights. In the criminal procedure legislation of the Russian Federation, it is advisable to establish such a circumstance, which excludes rehabilitation, as self-incrimination of the accused (suspect). Partial termination of criminal prosecution entails the right to rehabilitation only if it concerns a separate episode of criminal activity that was originally incriminated to the person. A reduction in the scope of the charge within the framework of one fact may entail the emergence of the right to rehabilitation only on condition that the original charge, due to its gravity, entailed the occurrence of such legal consequences that, in principle, could not have occurred if the charge had been brought in a reduced scope.

Keywords: criminal proceedings; criminal prosecution; rehabilitation; termination of criminal proceedings; partial termination of criminal prosecution; rehabilitating grounds for termination of criminal proceedings; preventive measures; coercive measures; investigative actions; self-incrimination.

Cite as: Stelmakh VYu. Gaps in the Regulatory Framework for Rehabilitation in Criminal Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):92-102. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.092-102.

В соответствии со ст. 53 Конституции РФ каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти или их должностных лиц.

Назначением уголовного судопроизводства законодательно объявлена как защита прав и законных интересов пострадавших от преступлений, так и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ¹). При этом уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их

от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

В целях реализации данных положений в УПК РФ закреплен механизм реабилитации, т.е. порядок возмещения лицу вреда, причиненного незаконными действиями органов уголовного судопроизводства. Нормативная регламентация реабилитации носит комплексный и межотраслевой характер. Складывающиеся в ее рамках правоотношения регулируются нормами не только уголовно-процессуального, но также гражданского, трудового, финансового, бюджетного, гражданского процессуального права². Наиболее тесная связь прослеживается между положениями Уголовно-процессуального и

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² См.: Фисенко Д. Ю. Институт реабилитации в законодательстве Российской Федерации: современное состояние и перспективы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2 (43). С. 137.

Гражданского кодексов. В частности, статья 1069 ГК РФ³ устанавливает правила о возмещении лицу вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов, а статья 1070 ГК РФ — о возмещении вреда, причиненного более конкретными действиями: незаконным уголовным преследованием и избранием некоторых мер пресечения. По сути, статья 1070 и отчасти статья 1069 ГК РФ имеют тот же предмет регулирования, что и глава 18 УПК РФ, концентрирующая положения о реабилитации. Вместе с тем в ст. 1069 ГК РФ закреплены правила о возмещении вреда, нанесенного любыми незаконными действиями государственных и муниципальных органов, и если такие действия имели место вне уголовного судопроизводства, порядок возмещения регламентируется не УПК РФ, а КАС РФ⁴. В статье 1070 ГК РФ зафиксированы правила о возмещении вреда, причиненного не только незаконным уголовным преследованием, но и незаконным привлечением к административной ответственности в форме приостановления деятельности⁵. Таким образом, предмет правового регулирования ст. 1069 ГК РФ намного шире предмета гл. 18 УПК РФ, а предмет ст. 1070 ГК РФ не совпадает с предметом регулирования гл. 18 УПК РФ, хотя и гораздо ближе к нему в сравнении со ст. 1069 ГК РФ.

На двойственность вышеупомянутых норм, одновременное наличие уголовно-процессуального института реабилитации и межотраслевого института, частично «перекрывающего» уголовно-процессуальный институт, указывают многие ученые⁶. Эта двойственность не позво-

ляет утверждать, что глава 18 УПК РФ является сугубо процессуальным инструментом реализации положений ст. 1070 ГК РФ. Нормы гл. 18 УПК РФ фактически закрепляют некоторые правила не процедурного, а материально-правового характера, например, устанавливая виды причиненного гражданину имущественного вреда, подлежащего возмещению (ч. 1 ст. 135 УПК РФ).

В силу отмеченных обстоятельств весьма затруднительно однозначно определить приоритет действия той или иной нормы (ст. 1070 ГК РФ или положений гл. 18 УПК РФ), а также четко выделить их соотношение в качестве общих и специальных. Очевидно, что данные нормы должны применяться в комплексе и, по сути, одновременно.

Категории реабилитированных, т.е. лиц, приобретающих право на возмещение вреда, перечислены в ч. 2 ст. 133 УПК РФ и п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»⁷.

Прежде всего к реабилитированным относятся лица, подвергавшиеся уголовному преследованию (т.е. обвиняемые и подозреваемые), в отношении которых уголовное преследование прекращено на досудебных стадиях по основаниям, перечисленным в п. 1–6 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 и УПК РФ.

Необходимо уточнить, что в науке уголовного процесса традиционно различаются реабили-

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 3981.

⁵ Воробьев С. М. Правовое регулирование института реабилитации // Российское правосудие. 2016. № 4 (120). С. 95.

⁶ См., например: Орлова А. А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 11 ; Потетин В. А. Институт реабилитации: несовершенство законодательства, как проблема правоприменительной практики // Библиотека криминалиста. 2015. № 6 (23). С. 102–106.

⁷ Официальный сайт Верховного Суда РФ: URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/8277/> (дата обращения: 28.03.2024).

тирующие основания и основания, предоставляющие право на реабилитацию⁸. Реабилитирующие основания прекращения уголовного преследования характеризуют случаи, когда лицо не совершало преступного деяния. К таким основаниям принято относить отсутствие события преступления, отсутствие в действиях лица состава преступления, непричастность к совершению преступления (в форме как установленной непричастности, так и неподтвержденной причастности). В указанной ситуации понятие «реабилитация» носит скорее материально-правовой, чем процессуальный, характер и синонимично невинности лица в содеянном.

Основания, предоставляющие право на реабилитацию, несколько шире.

Во-первых, в качестве самостоятельных оснований названы обстоятельства, не закрепленные в ст. 24 и 27 УПК РФ (например, недостижение возраста привлечения к уголовной ответственности и законодательное устранение преступности и наказуемости деяния).

Во-вторых, основания, предоставляющие право на реабилитацию, включают в себя не только три обстоятельства, являющихся реабилитирующими основаниями прекращения уголовного преследования, но и некоторые иные, носящие процессуальный характер, однако в силу решения законодателя дающие право на возмещение вреда, причиненного гражданину государственными органами в результате осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Так, отсутствие заявления потерпевшего или согласия компетентного органа на привлечение к уголовной ответственности субъекта, наделенного иммунитетом от уголовного преследования, а также наличие неотмененного решения суда или следственного органа по одному и тому же делу считаются законодателем основаниями, предоставляющими право на реабилитацию, хотя материально-правовая природа данных обстоятельств не свидетель-

ствует о полной непричастности лиц к совершению преступных деяний. Скорее, напротив, прекращение уголовного преследования по этим основаниям позволяет сделать вывод о фактической причастности лица к содеянному, на что справедливо обращается внимание в научной литературе⁹. Иными словами, если лицо согласилось с прекращением уголовного преследования только по той причине, что потерпевший не обратился с заявлением о привлечении этого лица к уголовной ответственности, и не настаивает на применении такого основания, как отсутствие состава преступления либо непричастность к преступному деянию, напрашивается вывод о принципиальном согласии лица с тем, что им совершены соответствующие действия, носящие преступный характер. Очевидно, законодатель исходил из того, что если уголовное преследование конкретного гражданина в форме подозрения или предъявления обвинения не осуществлялось (хотя бы только из-за позиции потерпевшего или компетентного государственного органа), утверждения о причастности лица к преступлению юридически несостоятельны в силу противоречия принципу презумпции невинности.

Статус обвиняемого и подозреваемого может быть придан лицу в ходе предварительного расследования по любому из предусмотренных в законе оснований. В связи с этим необходимо иметь в виду, что в ч. 1 ст. 1070 ГК РФ предусмотрена ответственность за вред, причиненный гражданину в результате избрания только двух мер пресечения: заключения под стражу и подписки о невыезде и надлежащем поведении. При этом наименование последней меры пресечения указано в устаревшей редакции («подписка о невыезде»), что соответствует названию, имевшемуся в УПК РСФСР на момент принятия ГК РФ. Однако несовпадение названий меры пресечения в УПК РФ и ГК РФ не является препятствием

⁸ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. С. 532–534 ; Колесникова Л. Г. Классификация оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, влекущих право на реабилитацию // Закон и право. 2021. № 1. С. 124–127.

⁹ См.: Макарова О. В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 34.

для применения ст. 1070 ГК РФ в этой части, поскольку данная мера пресечения фактически осталась в УПК РФ, изменена не ее сущность, а только наименование, в то время как природа предусматриваемых ею ограничений осталась практически той же.

Более существенные несовпадения ГК РФ и УПК РФ заключаются в другом. Согласно ст. 100 УПК РФ избрание до предъявления обвинения любой меры пресечения влечет наделение лица статусом подозреваемого. Поэтому если в отношении лица была избрана другая мера пресечения и в силу этого процессуального решения лицо приобрело статус подозреваемого, в случае прекращения уголовного преследования данного субъекта по п. 1 ч. 1 ст. 27 и п. 1–6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ оно подлежит реабилитации. Иными словами, право на реабилитацию возникает в связи с избранием в отношении лица не только двух мер пресечения, указанных в ст. 1070 ГК РФ, а всех мер пресечения, предусмотренных УПК РФ.

Можно предложить и несколько иную трактовку соотношения указанных положений уголовно-процессуального и гражданского законов: избрание заключения под стражу и подписки о невыезде и надлежащем поведении в случае последующего прекращения уголовного преследования влечет возникновение права на реабилитацию в обязательном порядке, а применение других мер пресечения — в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Подобная интерпретация может быть признана состоятельной в отношении таких мер пресечения, как личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним, наблюдение командования воинской части и залог. Подписка о невыезде и надлежащем поведении, несмотря на мягкий характер, обусловленный отсутствием строгого нормативно закрепленного контроля за исполнением данной меры пресечения, тем не менее подразумевает запрет выезда за пределы места жительства, непосредственно ограничивающий конституционное право на свободу передвижения, причем этот запрет в период действия указанной меры пресечения носит всеобъемлющий, не предусматривающий исключений характер. Личное поручительство и присмотр за несовершеннолетним,

во-первых, не содержат запрета на перемещение за пределы населенного пункта, в котором проживает обвиняемый (подозреваемый), а во-вторых, заключаются в возложении обязанностей не на самого обвиняемого (подозреваемого), а на иных лиц, призванных обеспечить должное поведение лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Отсутствие обязанности обвиняемого (подозреваемого) не покидать место жительства и перенос обеспечения указанных мер пресечения на поручителей позволяют констатировать, что для самого обвиняемого (подозреваемого) данные меры пресечения носят даже несколько более мягкий характер, чем подписка о невыезде и надлежащем поведении.

Наблюдение командования воинской части также не предусматривает обязанности не покидать место жительства. Разумеется, при этом данная мера пресечения предполагает применение к обвиняемому (подозреваемому) совокупности более строгих ограничений, чем подписка о невыезде и надлежащем поведении, однако эта мера пресечения может быть избрана только в отношении военнослужащих, для которых наличие сходных по юридической природе ограничений (в частности, невозможность по своему усмотрению беспрепятственно и в любое время оставлять территорию воинской части, в которой лицо проходит службу) лежит в основе их правового статуса. Кроме того, соответствующие ограничения устанавливаются не непосредственно законом, а уставами Вооруженных Сил РФ.

Залог, на первый взгляд, содержит более серьезные механизмы воздействия на обвиняемого (подозреваемого), чем подписка о невыезде и надлежащем поведении. Вместе с тем залог носит исключительно добровольный характер и в принципе не может быть избран без желания лица, привлекаемого к уголовной ответственности, либо действующего в интересах этого лица залогодателя. Кроме того, залог может быть внесен не самим обвиняемым (подозреваемым), а залогодателем, который и будет нести все риски утраты залогового имущества. Наконец, залог не предусматривает общей обязанности обвиняемого (подозреваемого) не покидать место жительства. Даже в случае при-

менения в рамках залога запретов, установленных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, ограничения будут носить точечный характер, ограничивая право на свободу передвижения в четко установленных и весьма узких пределах. При этом меры пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий (особенно выхода из жилого помещения), несомненно, строже, чем подписка о невыезде и надлежащем поведении. Поэтому по смыслу закона избрание этих мер пресечения при условии последующего прекращения уголовного преследования лица по основаниям, предоставляющим право на реабилитацию, должно влечь наделение лица этим правом именно по факту применения указанных мер пресечения.

Кроме того, исходя из буквального содержания ч. 1 ст. 1070 ГК РФ можно предположить, что незаконное избрание других мер пресечения, кроме заключения под стражу и подписки о невыезде и надлежащем поведении, влечет применение ст. 1069 ГК РФ. Это следует из буквального толкования ч. 2 ст. 1070 ГК РФ, согласно которой вред, причиненный гражданину в результате незаконной деятельности органов предварительного расследования и прокуратуры, не повлекший последствий, закрепленных в ч. 1 ст. 1070 ГК РФ, подлежит возмещению в порядке ст. 1069 ГК РФ. Кстати, примерно такая интерпретация дается в трудах ученых-цивилистов¹⁰. Однако данное толкование противоречит смыслу закона. Оно не должно распространяться на избрание других мер пресечения, не указанных в ч. 1 ст. 1070 ГК РФ, поскольку природа всех мер пресечения как правового явления одинакова (в частности, избрание любой меры пресечения до предъявления обвинения влечет наделение лица статусом подозреваемого) и очевидно, что эта природа соответствует предмету регулирования ст. 1070 ГК РФ как специальной нормы в сравнении с более общей статьей 1069 ГК РФ.

Необходимо обратить внимание на то, что УПК РФ и ГК РФ несколько различаются в акцентах в отношении фактических оснований возникновения права на реабилитацию. ГК РФ предусматривает в качестве таковых незаконное уголовное преследование и избрание мер пресечения, а УПК РФ упоминает только незаконное уголовное преследование. Различие, видимо, объясняется исключительно особенностями юридической техники, присущими гражданскому и уголовно-процессуальному регулированию. С точки зрения УПК РФ избрание мер пресечения — неотъемлемая часть уголовного преследования, в то время как ГК РФ стремится подчеркнуть важность незаконного избрания меры пресечения как феномена, существенно ограничивающего субъективные права граждан.

По смыслу норм УПК РФ право на реабилитацию возникает у лица из-за незаконного уголовного преследования как такового. Оно само по себе нарушает конституционные права граждан, поэтому для приобретения права на реабилитацию не требуется наступления каких-либо отдельных дополнительных последствий. При этом, исходя из особенностей конкретного уголовного дела, может быть детализирован и дифференцирован ущерб, причиненный лицу привлечением в качестве обвиняемого, задержанием по подозрению в совершении преступления и применением меры пресечения. По крайней мере, имущественный ущерб определяется частью 1 ст. 135 УПК РФ, причем требуется проследить и зафиксировать причинно-следственную связь между незаконными действиями органа предварительного расследования и наступлением соответствующих последствий в виде материальных лишений. Вполне возможна ситуация, когда само по себе избрание меры пресечения, не связанной с непосредственным ограничением свободы передвижения и иных конституционных прав, не повлекло нарушения прав гражданина. Иными словами, негативный

¹⁰ См.: Прохоров А. Б. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве лиц, потерпевших от злоупотребления властью // Адвокатская практика. 2022. № 5. С. 37 ; Чорновол Е. П. Юридино-фактические основания возникновения обязательств по возмещению имущественного и компенсации морального вреда, причиненного незаконными актами публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 8. С. 55–56.

эффект избрания меры пресечения как таковой как бы поглощается общим негативным эффектом уголовного преследования и растворяется в нем, поэтому право на реабилитацию возникает не от избрания меры пресечения как таковой, а от незаконного уголовного преследования в целом. Если мера пресечения, не связанная с лишением свободы, избиралась после предъявления обвинения, то она сама по себе не может влечь утрату обвиняемым материальных ценностей, и поэтому ее избрание не становится основанием для возмещения лицу имущественного вреда. Вместе с тем при определенных обстоятельствах, с учетом специфики избрания меры пресечения в конкретной ситуации допустимо ставить вопрос о компенсации морального вреда, причиненного фактом ее применения.

В этой связи весьма показательно, что само по себе приобретение лицом статуса подозреваемого вследствие возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица и даже задержания в порядке ст. 91 УПК РФ (а задержание, несомненно, влечет несопоставимые по строгости ограничения конституционных прав в сравнении с подпиской о невыезде и надлежащем поведении) не приводит к автоматическому возникновению права на реабилитацию. Это право появляется только при установлении неправомερных действий следователя, когда задержание произведено при отсутствии оснований или с нарушением порядка. Если основания на момент задержания имелись, однако впоследствии, в ходе расследования, было установлено, что лицо непричастно к преступлению, права на реабилитацию у лица не возникает. Очевидно, законодатель исходит из того, что задержание как процессуальное действие про-

изводится в условиях первоначального соби- рания доказательств, в то время как избрание меры пресечения лишено подобной экстренности. Сказанное не означает, что задержание в порядке ст. 91 УПК РФ может производиться без оснований, напротив, в этой ситуации за- держание расценивается не только как грубое нарушение уголовно-процессуального закона, но в ряде случаев может свидетельствовать о наличии признаков состава преступления в действиях применившего эту меру принужде- ния должностного лица. Соответственно, если задержание было заведомо незаконным, задержанный приобретает право на реабилитацию¹¹.

Еще одной категорией граждан, приобретающих право на реабилитацию, являются лица, к которым незаконно применялись меры процессуального принуждения¹². Конституционный Суд РФ сформулировал правовые позиции, состоящие в том, что в данном контексте термин «меры процессуального принуждения» необходимо понимать расширительно, включая в него также следственные и иные процессуальные действия, содержащие непосредственный принудительный элемент и ограничивающие базовые конституционные права граждан¹³.

С учетом изложенного к лицам, в отношении которых незаконно применялись меры процес- суального принуждения, в частности, относятся:

— лица, не подвергавшиеся уголовному преследованию, однако подвергавшиеся ме- рам процессуального принуждения, которые впоследствии были признаны незаконными и отменены (например, принудительный привод, назначенный в отношении свидетеля);

— лица, не имевшие по делу статуса обви- няемого или подозреваемого, однако непо-

¹¹ См.: Химичева О. В., Шаров Д. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подо- зрению в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 58.

¹² См.: Муравьев К. В. Оптимальна ли регламентация системы мер процессуального принуждения в Уго- ловно-процессуальном кодексе Российской Федерации? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 25.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 № 524-О-П «По жалобе гражданина Федорова Дениса Валериановича на нарушение его конституционных прав положением пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision28845.pdf> (дата обращения: 28.03.2024); определение Конститу- ционного Суда РФ от 02.11.2011 № 1463-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки

средственно в отношении которых производились следственные действия, сопряженные с применением принуждения (обыск, личный обыск и т.п.), проведение которых впоследствии признано необоснованным именно в отношении соответствующего лица. Представляется, что не требуется, чтобы результаты следственных действий были признаны недопустимыми доказательствами вследствие процессуальных ошибок и нарушения УПК РФ, важнее, чтобы не имелось необходимости в производстве следственных действий, а они, несмотря на это, всё же были проведены;

— обвиняемые, в отношении которых судом инкриминируемое деяние было перекалфицировано на менее тяжкое и которым было назначено наказание, гораздо более мягкое по сравнению с мерами процессуального принуждения, применявшимися в ходе предварительного расследования¹⁴ (в частности, когда лицу во время расследования вменялось совершение тяжкого преступления и лицо находилось под стражей, а судом оно было осуждено за преступление, не предусматривающее наказания в виде лишения свободы; при условии правильной квалификации действий обвиняемого в период предварительного расследования избрание меры пресечения в виде заключения под стражу было бы исключено).

Спорным является вопрос о возникновении права на реабилитацию у свидетеля или потерпевшего, в отношении которого избиралось обязательство о явке. С одной стороны, обязательство о явке отнесено к мерам уголовно-процессуального принуждения, что на первый взгляд позволяет расценивать его незаконное отобрание как основание приобретения права на реабилитацию. С другой стороны, по смыслу ст. 112 УПК РФ обязательство о явке носит сугубо

добровольный характер, и избрание данной меры в отношении конкретного лица без его согласия невозможно. Исходя из этого, представляется, что отобрание у лица обязательства о явке не может влечь наделение этого лица правом на реабилитацию.

Возникает вопрос, имеют ли право на реабилитацию подозреваемые, обвиняемые, осужденные, в отношении которых уголовное преследование прекращено не полностью, а только в части. Следует различать две ситуации частичного прекращения уголовного преследования.

Первая ситуация имеет место, когда уголовное преследование в отношении конкретного лица прекращено по отдельному эпизоду преступной деятельности. В этом случае лицо приобретает право на реабилитацию по соответствующему эпизоду, даже если по остальным вмененным ему деяниям оно осуждено (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17). Разумеется, в таких случаях весьма сложно вычлнить тот размер возмещения, на который претендует лицо, в отношении которого уголовное преследование в итоге закончилось осуждением, поскольку неясно, как именно привлечение к уголовной ответственности по одному из эпизодов усугубило правовое положение осужденного. Очевидно, что право на реабилитацию может возникнуть, когда уголовное преследование началось с эпизода, по которому принято решение о прекращении дела по соответствующим основаниям, поскольку некоторое время лицо привлекалось к уголовной ответственности только за то деяние, которое в результате не нашло подтверждения.

О. В. Ветрова и С. В. Меркулов именуют такую ситуацию «частичной реабилитацией в отношении самостоятельного обвинения. Таковым считается обвинение, которое может под-

Денисенко Людмилы Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьями 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision79285.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей — седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision202446.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).

держиваться в рамках самостоятельного производства, где при наличии к тому оснований была бы возможна полная реабилитация»¹⁵. Иными словами, частичная реабилитация имеет место, когда прекращается уголовное преследование по какому-либо отдельному и самостоятельному преступлению, вменявшемуся в вину обвиняемому, даже если уголовное преследование по другим преступным деяниям продолжается.

Вторая ситуация складывается, когда обвиняемый осужден по соответствующему эпизоду преступной деятельности, притом что объем обвинения уменьшен в сравнении с предъявлявшимся в ходе предварительного расследования. В этой ситуации лицо не приобретает права на реабилитацию, за исключением случаев, когда незаконно превышенный объем обвинения обусловил принятие процессуальных решений, которые не могли быть приняты в случае изначально правильной квалификации содеянного (например, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу).

Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой изменение квалификации деяния в сторону, улучшающую положение обвиняемого, само по себе не свидетельствует о незаконности его уголовного преследования или действий суда¹⁶. Иными словами, частичное прекращение уголовного преследования, заключающееся только в уменьшении объема обвинения, не означает, что преследование было незаконным, поскольку уменьшается лишь объем обвинения, однако само обвинение сохраняется и завершается осуждением лица.

В соответствии с абз. 1 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 частичное прекращение уголовного преследования не влечет возникновения права на

реабилитацию, в частности, в следующих случаях:

а) переквалификация преступных действий на другую норму Особенной части УК РФ;

б) исключение из обвинения ошибочно вмененных квалифицирующих признаков;

в) иное уменьшение объема обвинения, притом что лицо все равно осуждается за инкриминируемое деяние по той или иной норме Особенной части УК РФ, в частности:

— уменьшение размера инкриминируемого материального ущерба;

— осуждение за ряд преступлений, совершенных в составе организованной группы, при исключении из обвинения квалификации по ст. 210 УК РФ;

г) снижение вышестоящим судом меры наказания до предела ниже отбытого.

Законодатель исключает возможность появления права на реабилитацию у лиц, уголовное преследование которых прекращено в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Необходимо отметить, что такое обстоятельство как самостоятельное основание прекращения уголовного преследования в УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР, отсутствует; современным уголовно-процессуальным законом оно расценивается как частный случай отсутствия в действиях лица состава преступления. Однако если отсутствие состава преступления влечет возникновение права на реабилитацию, то недостижение возраста такого последствия не имеет. Данная дифференциация правильна, поскольку она основана не на сугубо процедурных, а на существенных, материально-правовых факторах. По сути, она подчеркивает, что несовершеннолетний выполнил все объективные признаки состава преступления, и это исключает ответственность

¹⁵ Ветрова О. А., Меркулов С. В. К вопросу о проблемах реализации института реабилитации в уголовном процессе // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 1. № 1 (3). С. 38.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2015 № 2696-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маленкина Сергея Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision215712.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).

государства за совершение с ним процессуальных действий, направленных на доказывание причастности к преступному деянию. При этом существует исключение из общего правила: право на реабилитацию возникает, если факт недостижения возраста наступления уголовной ответственности был известен органу предварительного расследования, который, несмотря на это, продолжил уголовное преследование соответствующего лица. В данной ситуации действия следственного органа будут заведомо незаконными.

Действующий УПК РФ не содержит такого обстоятельства, лишаящего лицо права на реабилитацию, как самооговор подозреваемого, обвиняемого, осужденного, воспрепятствовавший установлению истины, и, соответственно, способствовавший лицу своему незаконному осуждению или привлечению к уголовной ответственности. Вместе с тем указанное положение закреплено в абз. 3 п. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 № 4892-Х¹⁷. Представляется, что неприменение этого нормативного акта неверно, поскольку он имеет силу федерального закона и его действие в Российской Федерации не только не прекращено, но, напротив, подтверждено в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17. Законодательству Российской Федерации союзный акт не противоречит,

а лишь дополняет его. Норма о самооговоре имеет глубокий смысл. Если лицо само, без принуждения со стороны органов уголовного судопроизводства, ввело их в заблуждение относительно обстоятельств совершения преступления и сознательно добилось собственного осуждения или привлечения к уголовной ответственности, то в подобной ситуации нельзя говорить о какой-либо «виновности» органов уголовного судопроизводства, представляющих государство. Соответственно, если в незаконном осуждении лица виновно не государство, а само это лицо, государство не должно отвечать за последствия этого, и поэтому подозреваемый, обвиняемый, осужденный не имеют права на реабилитацию. При этом, если самооговор последовал в результате преступного воздействия на лицо со стороны сотрудников правоприменительных органов, право на реабилитацию у незаконно осужденного или привлеченного к уголовной ответственности остается. Очевидно, что целесообразно сохранить (точнее, восстановить) в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве норму о самооговоре как обстоятельстве, исключающем возникновение права на реабилитацию, для чего представляется необходимым закрепить соответствующее положение в гл. 18 УПК РФ, а в постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснить порядок его применения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ветрова О. А., Меркулов С. В.* К вопросу о проблемах реализации института реабилитации в уголовном процессе // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. — 2021. — Т. 1. — № 1 (3). — С. 37–43.
2. *Воробьев С. М.* Правовое регулирование института реабилитации // Российское правосудие. — 2016. — № 4 (120). — С. 94–97.
3. *Колесникова Л. Г.* Классификация оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, влекущих право на реабилитацию // Закон и право. — 2021. — № 1. — С. 124–127.
4. *Макарова О. В.* Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. — 2014. — № 5. — С. 30–36.

¹⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 № 4892-Х «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» (утв. Законом СССР от 24.06.1981 № 5156-Х) // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=38920> (дата обращения: 28.03.2024).

5. *Муравьев К. В.* Оптимальна ли регламентация системы мер процессуального принуждения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации? // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2018. — № 5. — С. 24–29.
6. *Орлова А. А.* Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2013. — 59 с.
7. *Потетин В. А.* Институт реабилитации: несовершенство законодательства, как проблема правоприменительной практики // *Библиотека криминалиста.* — 2015. — № 6 (23). — С. 102–106.
8. *Прохоров А. Б.* Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве лиц, потерпевших от злоупотребления властью // *Адвокатская практика.* — 2022. — № 5. — С. 36–42.
9. *Фисенко Д. Ю.* Институт реабилитации в законодательстве Российской Федерации: современное состояние и перспективы // *Вестник Сибирского юридического института МВД России.* — 2021. — № 2 (43). — С. 134–140.
10. *Химичева О. В., Шаров Д. В.* Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2018. — № 5. — С. 56–61.
11. *Чорновол Е. П.* Юридико-фактические основания возникновения обязательств по возмещению имущественного и компенсации морального вреда, причиненного незаконными актами публичной власти // *Государственная власть и местное самоуправление.* — 2014. — № 8. — С. 53–59.

Материал поступил в редакцию 25 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Vetrova O. A., Merkulov S. V.* K voprosu o problemakh realizatsii instituta reabilitatsii v ugovnom protsesse // *Sovremennoe ugovno-protsessualnoe pravo — uroki istorii i problemy dalneyshego reformirovaniya.* — 2021. — Т. 1. — № 1 (3). — С. 37–43.
2. *Vorobev S. M.* Pravovoe regulirovanie instituta reabilitatsii // *Rossiyskoe pravosudie.* — 2016. — № 4 (120). — С. 94–97.
3. *Kolesnikova L. G.* Klassifikatsiya osnovaniy prekrashcheniya ugovnogo dela i ugovnogo presledovaniya, vlekushchikh pravo na reabilitatsiyu // *Zakon i pravo.* — 2021. — № 1. — С. 124–127.
4. *Makarova O. V.* Pravovoe regulirovanie instituta reabilitatsii v rossiyskom ugovnom protsesse // *Zhurnal rossiyskogo prava.* — 2014. — № 5. — С. 30–36.
5. *Muravev K. V.* Optimalna li reglamentatsiya sistemy mer protsessualnogo prinuzhdeniya v Ugovno-protsessualnom kodekse Rossiyskoy Federatsii? // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika.* — 2018. — № 5. — С. 24–29.
6. *Orlova A. A.* Kontseptsiya reabilitatsii i organizatsionno-pravovye mekhanizmy ee realizatsii v rossiyskom ugovnom protsesse: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — М., 2013. — 59 с.
7. *Potetin V. A.* Institut reabilitatsii: nesovershenstvo zakonodatelstva, kak problema pravoprimeritelnoy praktiki // *Biblioteka kriminalista.* — 2015. — № 6 (23). — С. 102–106.
8. *Prokhorov A. B.* Dostup k pravosudiyu v ugovnom sudoproizvodstve lits, poterpevsikh ot zloupotrebleniya vlastyu // *Advokatskaya praktika.* — 2022. — № 5. — С. 36–42.
9. *Fisenko D. Yu.* Institut reabilitatsii v zakonodatelstve Rossiyskoy Federatsii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.* — 2021. — № 2 (43). — С. 134–140.
10. *Khimicheva O. V., Sharov D. V.* Nekotorye aspekty obespecheniya prav litsa pri zaderzhanii po podozreniyu v sovershenii prestupleniya // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika.* — 2018. — № 5. — С. 56–61.
11. *Chornovol E. P.* Yuridiko-fakticheskie osnovaniya vzniknoveniya obyazatelstv po vozmeshcheniyu imushchestvennogo i kompensatsii moralnogo vreda, prichinennogo nezakonnymi aktami publichnoy vlasti // *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie.* — 2014. — № 8. — С. 53–59.